

Частный детектив
Татьяна Иванова

МАРИНА СЕРОВА

Черные псы

Частный детектив Татьяна Иванова

Марина Серова

Черные псы

«Научная книга»

Серова М. С.

Черные псы / М. С. Серова — «Научная книга», — (Частный детектив Татьяна Иванова)

Странные события происходят в окрестностях дачи Андрея Баскера: как только сумерки опускаются на землю, а над болотами поднимается туман – в доме отчетливо слышатся, будто предвещающая смерть, кошмарные завывания собак. В одну из таких ночей при ужасных обстоятельствах погибает гость Андрея, а дама сердца Баскера сходит с ума. Теперь частному детективу Татьяне Ивановой предстоит выяснить, кому и зачем понадобилось инсценировать страшную историю Конан Дойля...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	19
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Марина Серова

Черные псы

Глава 1

Не верьте в черных псов

В этой жизни никогда не стоит зарекаться от любых, самых невероятных случаев. Бывает, послушаешь кого, лениво отмахнешься, дескать, вздор... А потом вдруг нелепая, сказочная небылица выплывает перед глазами, и становится жутко вдвойне, потому что возле тебя то, во что верить отказывался.

В начале мая 1997 года меня завертели дела, и потому поступившее на мой автоответчик предложение отметить День Победы на природе меня немало порадовало. Тем более, что исходило оно от моего старого приятеля Андрюхи Баскера. Знакомство наше началось на какой-то попойке по поводу празднования Старого Нового года у общих знакомых. С тех пор и повелось: ряд знаменательных дат, выделенных в календаре, отмечать вместе. Благо с чем, с чем, а с красным цветом в России всегда был порядок даже в календаре, посему мы виделись с Андреем довольно часто. До злоупотреблений постельным режимом дело у нас не доходило, у него была жена, очаровательное создание. Я видела ее один раз, и она произвела на меня двойное впечатление. Красива, бесспорно, но что-то странное, не от сего мира блуждало в ее глазах... Мне показалось, что у милой супруги Андрея Карловича не все дома.

Кстати, надо сказать, что Андрей был родом из поволжских немцев, что весьма способствовало его деловой карьере. В свои тридцать лет он стал вице-президентом довольно крупной строительной фирмы и зарабатывал, естественно, очень неплохо.

Так, уже два года назад он смог позволить себе возведение делового дворца на Волге, который скромно именовал «дачкой», а его жена – «Баскер-холлом». Надо полагать, по аналогии с Баскервиль-холлом из известной повести Конан Дойла. Имя жены Андрея было Эвелина, он звал ее Виля, а потому сочетание фамилии и сокращенного имени жены звучало впечатляюще – Баскер Виля.

Нарочно не придумаешь.

Вот в этот «Баскер-холл» и предлагал мне съездить Андрей.

– Алло, здравствуйте, будьте добры Андрея Карловича... Да. Благодарю вас.

– Я слушаю, – раздался в трубке чуть хриловатый баритон Баскера.

– Здравствуй, Андрюша, это Таня Иванова тебя беспокоит.

– А, Таня! Как дела?

– Да ничего, жива пока. А ты, судя по всему, нагло процветаешь и без зазрения совести обираешь сограждан невероятными ценами?

– Ну вот, сразу куча комплиментов, – засмеялся он. – Ты прослушала автоответчик? Я тебе звонил...

– Потому и звоню. И что тебе сказать?...

– Что-нибудь приятное.

– Приятное? А у тебя вкусы не изменились?

– Не думаю. Ну, ты едешь?...

– А кто там будет?

– Ну... Я буду.

– Это я как-то по длительном размышлении уразумела.

– Будет мой шеф, Аметистов Глеб Сергеевич то есть, со своей... кхе-кхе... подругой, что ли... ее даже любовницей толком не назовешь. Родственнички мои будут, господин Солодков с женой.

– Это тот архитектор, что строил тебе твою виллу на Женевском озере?

– Какое там еще Женевское озеро?.. А, это у тебя шуточки такие. Да, это тот, что мне дачку строил.

– Когда это он успел в твои родственнички записаться?

– Филька-то Солодков? Да он на Ленке женат, сестре моей Вили. А, ну еще жена моя там будет.

– Замечательно, – сказала я. – Еще кто?

– Соловьев, ты его не знаешь. Некий Бельмов, я и сам его толком не знаю – друг Фили и любимец обеих сестричек, Вили и Лены то есть.

– Журналист? – спросила я.

– Ты с ним знакома?

– Упаси боже! – замахала я руками, зажав телефонную трубку между плечом и ухом. – Я читала его статейки в «Тарасовских вестях» и еще где-то, мне как-то о нем говорили мои алкогольные галлюцинации – Казаков с Кузнецовым, я тебе о них рассказывала.

– А, что-то там о перцептине и светлячках? Да, громкое было дело. Знаю. Так что, твои алкогольные глюки знакомы с Бельмовым? И что они говорят? Я, знаешь ли, не питаю особо нежных чувств к журналистам.

– Ничего утешительного, – усмехнулась я, – одно то обстоятельство, что они знакомы...

– А мне Вилия с Ленкой все уши прожужжали: дескать, возьми его, нам с ним весело, он такой остроумный и вообще в высшей степени замечательный.

– Вероятно, в потреблении алкогольных напитков особенно, – заметила я. – Вся журналистская братия такая. Да особенно если водит знакомство с Кузнецовым и Казаковым.

– Ну, еще человек пять, ты знаешь... Так, пара ребят из нашей фирмы, девчонки из «Атлант-Росса»...

– «Атлант-Росса»? – удивилась я. – А Тимофеева и Новаченко там, случаем, не будет?

– Ну, знаете ли... – даже несколько обиделся Баскер, – конечно, будут, а также Березовский Борис Абрамович и Чубайс Анатолий Борисович. И нет надобности говорить, что дело не обойдется без моего любимого Бориса Николаевича. Так шта-а-а, понимаешь, дыр-рагие рыссияни-и-и...

– Ну, ладно, ладно, – произнесла я, – конечно, Тимофеева не пригласили. Подумаешь, президент «Атлант-Росса»! В общем, Андрюша, я с удовольствием.

– Зер гут! – откликнулся Баскер.

* * *

На виллу Баскера мы выехали уже далеко за полдень, часа в три, кортежем из четырех автомобилей. Впереди ехал темно-зеленый «БМВ» Баскера, затем серебристый «Мерседес-320» Аметистова. В следе «мерса» болталась раздолбанная вишневая «восьмерка», в которой сидели молодой архитектор Солодков, его жена и журналист Бельмов. За ними ехала я с двумя знакомыми девчонками из «Атлант-Росса», которых хорошо знал и Баскер. Всю дорогу они обсуждали достоинства генерального директора фирмы, в том числе и самые что ни на есть мужские. Я слушала с интересом, поскольку Александр Иванович Тимофеев вызывал у меня, скажем так, неоднозначную реакцию.

Мы проезжали мост через Волгу, когда нас обогнал поцарапанный и забрызганный грязью старенький «Фольксваген», из которого раздавались надсадные звуки какой-то чудовищной музыки. Я сразу узнала его. Да и как мне было не узнать, если за рулем маячила знакомая

широкая харя Кузнецова, красная от бесчисленных прелестей жизни, а из окна просунулась шkodливая рожица Казакова и разверзла ротовую полость, проорав на весь свет божий какую-то гадость. К счастью, ветер унес слова, а быстро мчавшийся «Фольксваген» – их гнусно ухмыляющийся источник.

– Куда это они поехали? – довольно громко произнесла я.

Надо полагать, моя фраза не вписалась в оживленный диалог о Тимофееве, потому что девушки из «Атлант-Росса» тут же прекратили анализ анатомии их шефа и поинтересовались:

– Ты о ком?

– Вон о том «Фольксвагене». Там сидели мои хорошие знакомые, – сто лет бы их не видела! – Кузнецов и Казаков. Может, знаете, они у вас в свое время в главном офисе часто ошивались. Еще при прежнем президенте – при Тимуре Анкутдинове. – Упомянув это имя, я с сожалением вздохнула.

– А, Кузнецов с Казаковым! – радостно воскликнула одна из работниц тимофеевской конторы. – Знаю, я даже у Кузнецова на даче была.

– Что вы там делали, не спрашиваю, – еще раз вздохнула я.

– А у него дача рядом с баскеровской, – продолжала счастливая собутыльница моих давних любимцев по имени Оля, – там такой заливчик есть, больше болото напоминает, конечно, и рядом на пригорке кладбище. Там у Кузнецова с одной стороны дача, а баскеровский дворец чуть поодаль – по другую сторону. Идти минут тридцать.

– Какое счастье! – Я аж прикрыла глаза, представив радужные перспективы «встречи на Эльбе» с Кузнецовым и Казаковым, отмечающими славный юбилей Победы. Однако пришлось вспомнить, что я веду машину, да не где-нибудь, а по Покровскому трансволжскому мосту, и любой поворот руля чреват профилактическим купанием в реке.

«Дачка» Баскера действительно оправдала наименование «Баскер-холл». Вот что значит быть вице-президентом крупной строительной фирмы, по совместительству промышленяющей риэлторской деятельностью! Внушительное сооружение в чем-то напоминало средневековый замок – то ли остроконечными башенками с круглыми окнами по углам здания, то ли стенами с контрфорсами и стрельчатыми окнами...

– Стильно, – произнесла я негромко, – ай да Андрей Карлыч! Хорошие ему пропилеи возвели!

Какой-то человек в зеленом выскочил из маленькой кирпичной будки по ту сторону массивного чугунного фигурного забора с позолоченными, что ли (позднее оказалось – латунными), остриями. Бодро открыв ворота, человек замахал руками, и машины заехали на огражденную оцинкованной сеткой автостоянку перед фасадом виллы.

Из авто полезли гости, и я, выйдя из машины, стала разглядывать своих партнеров по совместному уикенду.

Из «Мерседеса» плавно извлек свои немалые телеса солидный лысоватый мужчина лет около сорока, с круглым упитанным лицом, оснащенным всеми атрибутами «нового русского»: двойным подбородком, модной трехдневной небритостью и выражением вальяжного и снисходительного довольства жизнью. Погладив вздымающееся над ремнем брюк вместительное брюшко, мужчина оглядел баскеровское дачное обиталище и развел руками:

– Ну, молодец, Андрюха! Хорошую себе избу отгрохал.

– С твоих щедрот, Глеб Сергеич, – сдержанно улыбаясь, ответил Баскер.

– Ну-ну. – Глеб Сергеевич Аметистов, президент фирмы «Парфенон», снисходительно колыхнул брюшком и, неторопливо переставляя короткие ножки, направился к парадному входу в дом. Рядом с шефом Андрей Баскер, высокий, атлетично сложенный тридцатилетний мужчина с открытым приветливым лицом и упругой походкой спортсмена-легкоатлета, казался стройным, статным и даже грациозным.

– Твоя хозяйка здесь, что ли, живет? – поинтересовался Аметистов, подымаясь по широкой, отделанной под гранит лестнице.

– Здесь, – ответил Баскер, – с начала апреля уже. Ей здесь нравится. А дома ей не сидится, уже больно беспокойная она у меня.

– И что – она одна здесь?

– Почему одна? Витя, охранник, ворота нам открывал, Олег Соловьев, ее психоаналитик, он всегда при ней.

– Соловьев? – Глеб Сергеевич наморщил лоб, что означало у него высшее напряжение интеллекта. – Олег? Гм... – Он довольно гаденько улыбнулся и выдал двусмысленную фразу:

– А ты это самое... не боишься оставлять молодую бабу одну... без мужа... с двумя, понимаешь ли... даже если с одним этим, как его... Соловьевым? А ну как ей, понимаешь ли, взбредет так вот... Ты-то занят, понимаешь ли...

Баскер терпеливо выслушал сентенцию шефа, улыбнулся и покачал головой.

– Ты не знаешь Эвелину, Глеб Сергеевич.

– Ну что ж... с нетерпением жду знакомства. А то, понимаешь ли, два года как женат, а жену так и не показал, понимаешь ли, все прячет по углам, будто отберут. А этот психо... как его там... аналитик?

– Соловьев?

– Да-да, Соловьев. Знал я одного такого Соловьева. Он со мной учился... в медицинском.

– А ты в медицинском учился?

– Было дело... родитель пристроил. Да уж лет двадцать прошло, по-моему. Меня на четвертом, что ли, курсе поперли.

Толстяк обернулся и крикнул:

– Анька! Ты где пропала? Какого, понимаешь ли, гузна топчешься у «тачки»?

Невысокая миловидная девушка в джинсах и короткой кожаной куртке с досадой глянула на Глеба Сергеевича и довольно невежливо ответила:

– Да погоди ты, Глеб Пургеныч! Я каблук сломала, пока из твоей колымаги вылезала!

– Каблук? – тупо переспросил Аметистов.

– Ну, набойка отвалилась, ищу вот.

– Ты ее до утра искать будешь, понимаешь ли! – начал медленно закипать толстяк.

– А новые купишь?

– Набойки, что ли?..

– Ботинки, понимаешь ли! – передразнила та и, взбежав по лестнице, цепко ухватила Сергеича под руку. – А?

– Ну... – проскрипел тот, меланхолично поскребывая щетину, – да ну?.. Ну да.

Содержательный, но в целом положительный ответ Аметистова был воспринят Анечкой на ура.

– Вот и славно! – экспансивно прощбетала она и изобразила мизансцену «Анна на шее».

Глеб Сергеич снисходительно гмыкнул, смахнул с себя навязчивую особу прекрасного пола и двинулся к высоким стеклянным (тем не менее пуленепробиваемым) дверям баскеровской виллы.

* * *

На втором этаже дома, в просторной, обставленной дорогой мебелью комнате с огромными стрельчатыми окнами был уже приготовлен очень разнообразный по выбору блюд и напитков стол.

– Кто все это приготовил? – удивился Глеб Сергеевич. – Ведь не жена же с этим, как его... психо... понимаешь ли, аналитиком своим?..

– Да нет, – сдержанно улыбнулся Баскер, – это я в ресторане по телефону заказывал.

– А, ну да, – пробурчал Глеб Сергеевич и, мельком осмотрев комнату, свернул в боковую галерею и вышел на балкон.

Отсюда открывался превосходный вид на Волгу. Неподалеку виднелись роскошные строения дачного комплекса, очевидно, принадлежащего людям, по достатку мало чем уступающим Андрею Баскеру. Комплекс был дальше от Волги, чем дача вице-президента «Парфенона», и стороннему наблюдателю показалось бы странным, почему строители расположили здание здесь, на болотистом полуострове, зажатом между двумя заливами, один из которых обмелел, подернулся ряской и тиной и порос камышом, и большим холмом с деревенским кладбищем на вершине.

Аметистов был именно таким сторонним наблюдателем и потому спросил:

– А че это ты, Андрей, застроился на отшибе? Место диковатое, да и пляж песчаный во-о-он сколько, понимаешь ли, от тебя... А то с одной стороны лес, который прямо в Волгу обрывается... поди, берега крутые?..

– Обрыв, – ответил Баскер, – здесь метр-полтора, а дальше и все пять или десять.

– Ага, и не купнешься. А с другой стороны и того хлеще – болото зеленое. Поди, и утонуть можно.

Андрей пожал плечами.

– А что это там на болоте два каменных столба торчат? – спросил Глеб Сергеевич. – Сваи кто забивал?..

...Посреди болота на невысоком холмике, утопающем в мутной, заросшей камышом воде, действительно возвышались два высоких серых столба, и отсюда невозможно было определить, естественного ли они происхождения, высятся уже сотни лет, или же досужий строитель разнообразил природный пейзаж, воткнув в болотистую почву невостребованный строительный материал.

– Как по закону, понимаешь ли!.. – резюмировал Аметистов, неспешно почесывая бурчащее от вечного желания насытиться брюхо. – А с той стороны, побоку, стало быть, на подъезде, – так кладбище. Вот такой он тебе, понимаешь ли, натюрморт! – закончил он и скептически хмыкнул.

– Это Эвелина захотела здесь строить, – ответил Баскер. – Я противился, но она настояла. Красиво, говорит.

– Тут, наверно, помирать красиво, – с исключительным остроумием выдал шутку господин президент. – А вот жить... Через болото ходить купаться напрямую или в обход – через кладбище! – хохотнул он. – Вот выбор, понимаешь ли!

– Я в бассейне купаюсь, – ответил Баскер, – зачем в Волгу?

– Все равно – на отшибе, как-то не по себе, понимаешь ли.

– А вот и Эвелина! – воскликнул Баскер и, обняв, поцеловал в щеку свою супругу, появившуюся на балконе.

Эвелина Баскер была то, что обычно называется «красавица». Точеные черты тонкого бледного лица, неожиданно яркие – ненакрашенные – губы, большие темные глаза, оттененные короткими, уложенными в каре черными, слегка вьющимися волосами.

Она была одета в длинное с разрезом светлое платье, подчеркивающее все достоинства ее грациозной фигуры.

За Эвелиной на балкон вышел среднего роста мужчина в легком сером костюме, внешне ничем не примечательной и настолько заурядной, что это сразу бросалось в глаза и отчего-то резко привлекало внимание. А может, это происходило еще и потому, что его глаза, живые и беспокойные, пытливно ошупывали все, до чего касался тревожный и ищущий светлый взгляд их.

– Здорово, Олег! – приветствовал его Андрей Карлович. – Позволь представить, Глеб Сергеевич: Олег Соловьев, друг семьи и психоаналитик моей жены.

Толстокожий Аметистов вздрогнул, когда его пронзили острые, пронизательные глаза Соловьева, глаза человека, больше похожего на чеховского героя, нежели на медика конца XX века.

– Вам нравится наш дом, Глеб Сергеевич? – мелодичным голосом спросила Эвелина, и ее темные глаза задумчиво остановились на толстом лице Аметистова. – Хорошо, можете не отвечать, я вижу, что не нравится.

– Вилька, перестань, – строго заметил Баскер, – он еще не успел осмотреться, а ты уже пристаешь с вопросами.

– Ну, Андрюха, ты скажешь, – с умудренным видом старца Фура из «Форга Байярд» изрек Глеб Сергеевич, – разве может такая красивая женщина приставать?

Глаза Эвелины подернулись дымкой, и она, отвернувшись от мужа и его шефа, стала рассматривать расстилающееся перед ней живописное болото с белеющими в паре километров за ним домиками дачников, построенными по принципу «как бы ни болела, лишь бы померла».

– Вы читали Конан Дойла, Глеб Сергеевич? – не оборачиваясь, спросила она.

– Ну вот, опять... – вздохнул Баскер.

– Конан Дойла? – выговорил Аметистов. – А, это который про Шерлока Холмса и доктора Ватсона, понимаешь ли?..

– Вы читали «Собаку Баскервилей»? – тем же ровным, вкрадчивым голосом продолжала Эвелина.

– «Собаку Баскер Вили», – с досадой передразнил муж.

– Я? – Маленькие глазки Глеба Сергеевича забегали, и весь его вид, озабоченный и напыщенный, активно засвидетельствовал, что если и прочитал что на своем веку почтенный господин Аметистов, так это пару «маляв» с воли да десятков ресторанных меню. – А, ну, киношка такая есть... про сыщиков.

Эвелина обернулась к Соловьеву, на лице ее, болезненном и аристократически бледном, вспыхнуло неприкрытое изумление пополам с презрением и досадой: как «киношка»? «Про сыщиков»?

Соловьев едва заметно покачал головой и, шагнув вперед, с силой облокотился на перила:

– Вы знаете, Глеб Сергеевич, никто не может гарантировать вам, что ваши фантазии не станут явью. Прорыв психопатологического фантома в действительность – вещь достаточно обыденная, а если процесс форсировать искусственно, так и вовсе легко осуществимая. Посмотрите на это болото. Чем вам не знаменитая Гримпенская трясина?

Глеб Сергеевич беспорядочно затеребил толстенную золотую цепь под расстегнутой рубахой и покосился на Баскера: дескать, спаси, брателло!

– Олег Платонович, – обратился к психоаналитику Баскер, – я думаю, у всех нас найдутся более приятные темы для разговоров, нежели ваши психопатологические фантомы.

«Отцепись от дурака, – молили глаза Андрея, – он все-таки мой шеф!..»

Соловьев понимающе улыбнулся и поглядел на Эвелину. Та долго смотрела на Аметистова так, что он стал ежиться. «Таких в Средневековье сжигали на кострах именем святой инквизиции!» – подумал бы Глеб Сергеевич, коль имел бы представление о Средних веках и мог хотя бы приблизительно выговорить слово «инквизиция».

– Простите, Глеб Сергеевич, – медленно произнесла Эвелина, – я себя не очень хорошо чувствую, потому и говорю всякий вздор. Но вы все-таки не верьте в черных псов, Глеб Сергеевич, даже если...

Аметистов с готовностью закивал, не зная, как вести себя с этой хрупкой женщиной, а Баскер двинулся грудью вперед, заслоняя шефа от домогательств своей супруги.

– «Не верьте в черных псов!» – фыркнул он. – Виля, пройди лучше к гостям. И ты, Олег Платоныч.

Место ушедшей пары заняли Аня Воронкова, та самая, что искала набойку от каблука, и один из охранников президента «Парфенона», рослый парень в черном костюме и с железобетонным выражением лица. Аметистов облегченно вздохнул.

– У твоей жены не все в порядке с головой, что ли? – покрутил он пальцем возле виска. – Черные псы, болото какое-то...

Фраза была бестактна, более того, она была попросту оскорбительна, но, к чести Баскера, он повел себя с достоинством.

– У моей жены слабое здоровье, – кашлянув, сказал он, – потому я и плачу немалые деньги Соловьеву, чтобы он всегда был при ней и в случае чего оказал бы помощь.

Глеб Сергеевич мерзко осклабился, давая понять, что не сомневается, какого рода будет эта помощь. Потом, как бы между делом облапив Воронкову, отрядил следующее высказывание:

– Да этот психо... в общем, он сам еще тот аналитик, тоже какой-то не в себе. Что-то он мне там задвигал, понимаешь ли!..

– Не знаю, может, и так, но специалист он высочайшего класса, – не сдержавшись, резко выговорил Баскер. – А ты должен знать, Глеб Сергеевич, что как все самые ярые антисемиты сплошь сами евреи, так и высококлассные психиатры и психоаналитики сами ненормальны психически!

– Ах, он еще и еврей... – тупо пробормотал Глеб Сергеевич. – Ну да... Платоныч.

Это было все, что он вынес из слов своего заместителя. Баскер махнул рукой и с видом раздосадованным и безнадежным вежливо открыл перед Аметистовым балконную дверь.

– Прошу в дом, Глеб Сергеевич. Аня, а ты что застряла?

Когда гости оставили балкон, Андрей потер рукой лоб и задумался.

«Неужели она больна так серьезно? – Его губы дрогнули, растекшись в резиновую вымученную улыбку. – „Не верьте в черных псов!..“ Когда ж это кончится?»

– Але, Андрей! – загремел басовитый голос Аметистова, и Баскер, досадливо тряхнув головой, поспешил к гостям.

Глава 2

Болота зовут вас

После плотного обеда, сопровождаемого обильными возлияниями отдельных гостей (особенно отличились архитектор Солодков, журналист Бельмов и незабвенный Глеб Сергеевич Аметистов, разумеется), все отправились к бассейну. Бассейн находился за домом и был снабжен всеми атрибутами роскоши, приличествующими загородной резиденции крупного бизнесмена. Была даже маленькая вышка и трамплин, на который тотчас восторженно вскарабкался молодой архитектор Солодков.

– Фил, будь осторожен, – предупредила разохотившегося благоверного его жена Лена. Она была очень похожа на свою старшую сестру Эвелину – такая же изящная, стройная, хоть и несколько ниже ростом, – но черты лица ее, тонко очерченные и правильные, не носили печати той отстраненности, а красивые темные глаза смотрели открыто и ясно, не превращаясь в пугающие привалы тьмы. Так, как у ее сестры...

– погоди меня, Фил! – Долговязая фигура Бельмова, путаясь в собственных несоразмерно длинных нижних конечностях, начала карабкаться на трамплин. На трамплине веселая парочка раскачалась, планка выскользнула из-под ног двоих подвыпивших молодых людей, и с уханьем и воплями они плюхнулись в бирюзовые воды бассейна.

Я, прикрывшись рукою от уже начинающего садиться солнца, посмотрела на барахтающийся дуэт. Удивительно везет мне на паясничавших буффонов, работающих в тесной концессии!

– Че, теплая вода? – крикнула я им.

– Угу... – булькнул Фил и скрылся под водой. Через десять секунд его голова со слипшимися длинными волосами показалась под вышкой, и он продолжил:

– Теплая-претеплая! Да лезьте все, чего там стоять!..

Я осмотрелась: прямо за оградой, в тридцати метрах от бассейна, начинался густой лес. Он должен был продолжаться до самого берега Волги, где резко обрывался отвесной кручей. Так, по крайней мере, утверждал Баскер.

«В самом деле Баскервиль-холл, – подумала я, – тут тебе и болото, и кладбище, и лес стеной... Я не удивлюсь, пожалуй, если здесь водятся и какие-нибудь мрачные существа из серии „Исчадия ада“ модификации „Проклятие рода Баскервилей“. Или Баскерров, кому как угодно. А уж Соловьев был бы куда как хорош в роли Стэплтона!»

– Это же элементарно, Ватсон! – неожиданно громко сказала я и нырнула в бассейн, не обращая внимания на вытянувшееся лицо Андрея Карловича.

Нашли же такое место, да где – в центре Поволжья!..

Тем временем на краю бассейна появился господин Аметистов, в халате, купальной шапочке и с сотовым телефоном. Его сопровождала Анна в весьма откровенном бикини и внушительных габаритов молодец в шортах и майке с надписью «Chicago Bulls».

– А! Бульдожку на прогулку вывели, – раздался у меня под ухом чей-то насмешливый голос. Я повернулась в воде и увидела Бельмова на надувной резиновой лодке и с бутылкой пива в руке. Я ухватила за бортик лодки и, положив на него подбородок, увидела на дне еще несколько бутылок – как пустых, так и еще не тронутых.

– Какого бульдожку? – поинтересовалась я. – Аметистова, что ли?

– Ну да, – ответил он, – гляди-ка, как животик наглаживает. Это он для активизации процесса пищеварения. Ай, муси-пуси, хырашо-то как! – поддельваясь под ленивый баритон Глеба Сергеевича, продолжал он. – «А теперь, понимаешь ли, и купнуться не в падро, бра-

таны!» – прогнусавил он, воздев к небу «веерные» пальцы. – А мыбра у него ничего, дас ист фантастиш, как говорят в старой доброй немецкой «порнухе».

– Ну, всех охаял! – не выдержала я.

– Еще не всех, – ответил он и засмеялся. – У меня профессия такая – хаять, порицать и критиковать.

Баскер развалился в шезлонге на краю бассейна и мирно потягивал коктейль. Рядом за пластмассовым столиком сидели две девушки из «Атлант-Росса», в купальниках, солнечных очках и шлепанцах. Судя по их оживленным, счастливым лицам, они продолжали обсуждать завидные качества Александра Ивановича Тимофеева. Рядом притулился второй охранник Глеба Сергеевича, который то и дело плотоядно косился на щебечущую парочку.

В этот момент громкий всплеск воды привлек общее внимание: это почтенного главу фирмы «Парфенон» наконец угораздило неуклюже свалиться в бассейн. Причем брызг и шуму было больше, чем при падении Бельмова и Солодкова с трехметрового трамплина.

Фыркая, как тюлень, Глеб Сергеевич медленно поплыл к центру бассейна.

* * *

Солнце уже почти зашло, когда накупавшиеся гости решили вернуться в дом. Вернее, это предложил Баскер, а Аметистов согласился, и остальные – из деликатности ли, из опаски или просто потому, что их намерения совпадали с желаниями хозяев жизни, – решили последовать их примеру.

Решение прекратить купание застало Филя и Бельмова на трамплине, где они пили пиво и между делом по очереди сигали вниз. Лена, жена Филя, тоже попробовала прыгнуть, но у бюстгальтера ее, и без того скудного в плане размеров купальника, лопнули тесемки, и теперь она в короткой маечке сидела на краю бассейна, искоса посматривая на веселящегося муженька, и болтала ногами в воде.

Девушки из «Атлант-Росса» купались с охранниками Аметистова, а сам шеф развалился в шезлонге, подставив свое волосатое брюхо и грудь лучам майского солнца. Рядом «топлесс», то бишь без верхней части купальника, загорала безмятежная Воронкова, а резвящиеся рядом амбалы ее покровителя то и дело косились на ее внушительные прелести и яростно пускали по воде пузыри.

В этот момент произошло нечто, заставившее забыть Солодкова и Бельмова о пиве и трамплине, Глеба Сергеевича – о солнце, а его охранников – о девушках из «Атлант-Росса» и обнаженных формах Воронковой.

Возле бассейна появились Эвелина Баскер и Соловьев. Впрочем, появления Соловьева почти никто не заметил, потому что все взгляды обратились на Эвелину. На ней был купальник мини-бикини, лишь чисто символически прикрывавший ее изумительное тело. Ничтожно малые, едва ли не с детскую ладонь, треугольнички черного бюстгальтера не скрывали, а скорее подчеркивали роскошные полушария груди, микроскопические черные трусики только обозначали свое присутствие, сведясь до двух полосок спереди и разветвляющейся буквой «Т» полоски сзади. А на поводке, который она удерживала в руке, вертелся умильный, черный как смоль щенок мастино неаполитано.

– Эвелина... – растерянно пролепетал Баскер, косясь на схватившегося за плавки шефа. – Разве ты сегодня хотела купаться?..

– Почему бы нет, – ответила та и походкой манекенщицы пошла к воде. Впрочем, нет, манекенщицы едва ли вызывают на дефиле хоть десятую долю тех эмоций, что заставили глаза всех мужчин вылезти из орбит, а челюсти опуститься в район грудной клетки.

Щенок рыкнул и залился негодующим лаем: вероятно, ему не понравилось, что хозяйка передала поводок Соловьеву и направилась к вышке.

– Да ты что, Виля! – крикнул Баскер, видя, как жена поднялась на трехметровую высоту с намерением прыгнуть. – Олег, а ты что ее отпустил? Она ведь ничего по-человечески не делает!

Глеб Сергеевич изумленно сглотнул, не отрывая взгляда выпученных бычачьих глазок от почти совершенно обнаженной женской фигуры. Если у него раньше были сомнения по поводу выбора Баскера – женился, понимаешь ли, на полоумной бабе! – то теперь он совершенно уверился, что лучшего Баскеру и нельзя было желать. Потому что лучше не бывает.

Эвелина постояла на краю вышки и вдруг, пружинисто оттолкнувшись, сделала в воздухе двойное сальто и четко вошла в воду.

– Чер-р-рт! – вырвалось у Баскера. Он подошел к бортику бассейна и увидел в прозрачной воде Эвелину. Он сразу понял, что она плывет на большой глубине у самого дна шестиметрового бассейна. Секунда шла за секундой, а женщина и не думала подниматься. Прошло не менее двух минут, прежде чем ее черноволосая голова показалась на поверхности воды – у противоположного края бассейна, под трамплином.

Бельмов и Солодков принялись аплодировать, при этом последний остутился и с шумом и брызгами свалился в воду прямо на голову мадам Баскер. Ее лицо и задница веселого архитектора разминулись буквально в полуметре.

– Ну, понимаешь ли, – оживленно жестикулируя, возопил Глеб Сергеевич, уставя свое брюшко в лицо присевшего от волнения на корточки Баскера, – еще попробуй сказать, что у нее слабое здоровье!

– По-моему, я и сам многого о ней не знаю, – пробормотал Андрей.

Эвелина вышла из бассейна и, накинув на плечи протянутое Соловьевым полотенце, пошла в дом. Перед ней на поводке, повизгивая, бежал щенок.

Глеб Сергеевич, поспешно закутавшись в халат, засеменял за ней, потеряв при этом оба шлепанца. Я четко видела, как они, эти синие с черным – и с белым трилистником – «адида-совские» шлепанцы, слетели с его ног и остались у бассейна, когда Глеб Сергеевич, как слепой кутенок, налетел на столик, за которым незадолго до этого сидела я.

Все остальные, включая охранников, двинулись мимо, не замечая забытой у столика обуви шефа «Парфенона». Я тоже направилась в дом, потом обернулась. Шлепанцев Амети-стова у столика уже не было.

Впрочем, присмотревшись, я увидела один у самого края бассейна. Второй же исчез.

«Кто-то спихнул в бассейн, наверно», – подумала я и прошла в дом.

– Болота ждут вас, господин президент, – обернувшись, с чарующей улыбкой, обнажающей все тридцать два жемчужно-белых зуба, сказала Эвелина.

– Она называет «болотами» нашу сауну, – пояснил Баскер, – а гостиную, где мы обедали, Гримпенской трясиной...

– А Соловьева Стэплтоном? – ехидно влез Бельмов.

Соловьев, слышавший эти слова, поднял брови, а Эвелина бросила на мужа короткий пронизывающий взгляд из-под свесившихся на лоб мокрых волос. «Нет, – отчего-то подумала я, – она имела в виду не сауну».

– Но ели-то мы не овсянку? – не унимался болтливый журналист.

– Вот сейчас тебе ее и подадим на ужин, чтобы меньше болтал, – поддела его Эвелина, и виртуоз пера тут же поспешил заткнуться.

* * *

– Фил, хочешь, познакомлю тебя со своими друзьями, они сейчас здесь, на даче неподалеку, а? – протянул Бельмов.

В связи с переходом на вечерний режим одежды бравый писака переоделся в потертые серые джинсы и красно-черный балахон, исписанный маленькими белыми буквами – оче-

видно, колонками каких-то текстов – и с надписью на спине и на груди: «Green Day». На нос он водрузил очки, одно из стекол которых было треснутым, и стал похож на Фагота, он же Коровьев.

– Да куда еще идти? – пробурчал Солодков, вопросительно глядя на жену. – Темнеет уже...

– Да мы быстро, тут минут десять идти. Через час вернемся. А тебе что, с бульдогом в сауне париться хочется?

– Да не хочется мне... Я с ним на одном гектаре, как говорится, акт дефекации производить не буду, – замысловато отвечал архитектор.

– Ну и пошли!..

– В самом деле, Фил, я не прочь прогуляться, – поддержала Бельмова Лена, жена архитектора.

– Как раз пройдемся по болотам, где разгуливают светящиеся черные псы Вили Баскер, – мрачно пошутил Солодков.

– А уж не к Кузнецову с Казаковым ли вы собираетесь? – вступила в разговор я.

– И к Суворову с Пидерманом, – взглянув на меня, ответил Бельмов. – А ты что, знаешь этих артистов?

– Казакова-то с Кузнецовым? Да еще с прошлой осени, когда я расследовала дело со «светлячками», то бишь наркоманами такими, это со взрывом лаборатории было связано. Ты же журналист, ты должен знать!

– Так ты Татьяна Иванова, что ли? – спросил он и ухмыльнулся. – Наслышан о тебе. Ну что, пойдешь в гости к своим гадательным Костям?

«Гадательным Костям» – это тоже в свое время выдумали Кузнецов и Казаков.

– Глаза б мои их не видели! – ответила я и взялась за блестящую ручку двери. – Пойду, конечно, куда ж от них деваться. Но только недолго, потому что я знаю, каково длительное общение с этими друзьями и чем оно обычно кончается.

... Узнав о том, что Фил, Лена, Бельмов и я идем через болото в гости к друзьям, Эвелина внезапно разволновалась и стала уговаривать нас оставить свою нелепую, по ее мнению, затею.

– Чего блуждать там по ночам? – говорила она. – Упаси боже, собьетесь с тропы, а там и утонуть можно.

– В самом деле, – поддержал ее Соловьев, – место для прогулок не самое удачное.

– А для чего оно удачное? Сам же и выбирал с Эвелиной, Олег! – язвительно парировал Солодков. – Ничего с нами не случится, еще светло, а обратно, если задержимся, вернемся через холм, где кладбище.

Эвелина побледнела и нервно облизала губы. Я незаметно, но с возрастающим интересом наблюдала за красавицей женой Андрея Баскера.

– Приходите к ужину непременно, – наконец выговорила она, – без вас не начнем.

– А во сколько ужин?

– Часов в девять, – ответил Соловьев.

– У-у-у, сейчас еще без четверти семь, – протянул Бельмов, взглянув на свои часы.

– А двадцать минут восьмого не хочешь? – озадачил его Солодков. – Твои встали, когда ты нырнул в них в бассейн.

– Ну, или так... – Бельмов смешно пожевал губами, всем видом напоминая кадр передачи «В мире животных» под названием «Из жизни горных горилл».

– Лена, пообещай мне, что придете к ужину! – обратилась Эвелина к сестре. – На мужиков я не надеюсь, они безалаберные. Таня, и вы тоже... постарайтесь привести их к ужину. Хорошо?

На лице ее было столько трогательной заботы и тревоги, что я с готовностью кивнула:

– Ну конечно!

– А почему она так волновалась, словно мы и в самом деле идем ночью на Гримпенскую трясиину, «когда силы зла властвуют безраздельно»? – по памяти процитировала я, когда мы вышли из дома.

Все промолчали, и лишь Лена, вздохнув, коротко ответила:

– Так, может, она думает, что на самом деле... На самом деле.

– Болота зовут вас! – хрипло заключил Бельмов. – Нас...

* * *

Так называемые болота мы, спустившись в низину, преодолели по гряде низеньких холмиков, по наверхиям которых проходила узкая тропа. Справа, к Волге, тянулась болотистая равнина, покрытая затянутыми ряской грязными озерами, самое большое из которых было в длину метров пятнадцать и шириной не более трех. Равнина местами поросла ивняком и имела вполне мирный и невинный вид. На самом высоком холме гряды стояли те самые два каменных столба, которые обсуждали Баскер и Аметистов. Это был обычный серый строительный камень, разумеется, искусственного происхождения. Правда, кому и зачем понадобилось водружать эти столбы высотой не менее двух с половиной – трех метров здесь, я не понимала.

Я высказала все эти соображения вслух и не услышала ни слова в ответ. Подойдя вплотную к столбам, я обняла обеими руками один из них и приложила щеку к уже остывшему камню.

– Колоритное место, – заметила я.

– Пойдем, – кивнул архитектор.

Я обогнула столбы и пошла за своими спутниками.

– Да пойдем же, – повторил Солодков.

Я обернулась, чтобы последний раз оглядеть столбы, и кровь застыла в моих жилах – от изумления и, как ни странно, от почти суеверного страха.

С обратной стороны столба на отшлифованной поверхности был четко вырезан барельеф. Изображение было необычайно искусным, а главное – невероятно живым. Это было изображение злобно оскалившегося пса, его хищный силуэт четко вырисовывался на неровной поверхности столба, и казалось, что окаменевший в немой злобе огромный пес вот-вот сорвется с холодного камня и прорежет холодеющий вечерний воздух протяжным жутким воем...

– Ты на пса, что ли, уставилась? – крикнул уже издали Солодков. – Еще успеешь посмотреть, не последний раз видишь!

Я пробурчала что-то невнятное и поспешила за бодро карабкавшейся по подъему четой Солодковых и Бельмовым.

Весь путь через болота занял у нас не более двадцати минут.

* * *

Мы без труда нашли кузнецовскую дачу. По-моему, ее обнаружил бы даже слепой, глухой и увечный инвалид, потому что какофония жутких звуков разносилась по всем окрестностям, а разноцветные салюты из ракетницы были видны издали.

Кузнецовско-казаковская компания сидела на веранде и меланхолично пожирала шашлыки. Меланхолия та охватила большую часть собравшихся, и ее причина коренилась в непомерном количестве винно-водочных бутылок, валявшихся там и сям на столе, под столом и на лужайке перед дачей. Последнее обстоятельство было справедливо и для троих молодых людей, мирно прикорнувших неподалеку.

Впрочем, остальные, особенно девушки, были бодры, и остатки алкогольно-депрессивного оцепенения не замедлили слететь с них, когда они увидели наш квартет.

– Ба! – заорал Кузнецов, спрыгивая с веранды. – Бельмов!!! А это кто с тобой? Никак Иванова? Ну точно, привет, Танька, сколько лет!..

Он полез обниматься, дыша обычным своим нервно-паралитическим перегаром, тотчас перезнакомился с Филом и Леной и сунул нам «штрафные».

Подскочил Казаков, и все завертелось...

Час пролетел, как одна минута, и, если бы не Лена, взглянувшая на часы, наше пребывание на даче старых, с позволения сказать, друзей могло затянуться.

– Ну, нам пора, – Лена поднялась, – нам еще идти долго.

– Да какое там! – возмутился Кузнецов. – Зачем идти, я подвезу!

Я посмотрела на выписывающего пассы руками и ногами Костю, но промолчала. Впрочем, мне не пришло в голову усомниться, что Кузнецов не выполнит данного обещания.

– Докуда вас везти?

– Знаешь дачу Баскера? – спросил Бельмов. – Вот мы там.

– А, знаю! – обрадовался Кузнецов. – Мы там даже в бассейне купались, когда хозяев не было!

– Там еще такая «волына» отпадная была, – влез Казаков, – я потом узнал, что это и есть хозяйка, жена Баскера. Она вроде как стулом двинутая.

– Ну да, – добавил Кузнецов, – жидким. А вы-то какими судьбами там?

– Вообще-то я строил эту дачу, я как бы архитектор, – сказал Солодков.

– А я сестра вот этой, с позволения сказать, двинутой жидким стулом, – отчетливо произнесла Лена.

В первый раз мне довелось увидеть, как Кости смущаются. Кузнецов деликатно потупил нахально поблескивающие глазки, а Казаков сконфуженно замурлыкал под нос какую-то песенку, сильно смахивающую на похоронный марш.

– Просто о них с недавних пор всякие истории рассказывают, – пробормотал Кузнецов, – всякий маразм... Вот у нас Суворик с Пидерманом, например...

– А! – недоверчиво махнул рукой Бельмов. – Им чего только не придет в голову. Про собак, что ли?..

– Ага.

– Ясно. Ну что, Кузнецов, подвези, если обещал.

– Позвольте, – вмешалась я, – это какие еще истории про собак? Тут что, на самом деле инсценируют Конан Дойла?

– Суворик, поди-ка сюда! – позвал Кузнецов и вскоре представил пред ясны очи кудрявого небритого молодого человека в очках и рваной белой майке.

– Ну, опять, что ли? – протянул он, из чего я поняла, что он рассказывает историю в тысячу первый раз.

Из неторопливого рассказа новоявленной Шахерезады я с некоторым усилием смогла уразуметь следующее.

Как-то раз, в апреле, Суворик с неким Пидерманом (надеюсь, это не фамилия) пошли прогуляться. Ночь была теплая, а так как друзья были уделанные до последней возможности – кажется, они что-то курили, – то прогулка несколько затянулась. Ну и угораздило их попасть на болото, прямо к столбам. Суворик увидел изображение этой собаки, начал загоняться... У друзей еще было с собой, вот они и сели употреблять – один спиной к первому столбу, другой – ко второму. И вдруг за спиной – рычание! Нормальный человек и не шелохнулся бы, а эти ничего не соображали и кинулись наутек. Суворика еще дернуло обернуться, и он увидел такое, что все фильмы ужасов показались ему детскими сказками.

За ними мчались, в полном смысле этого слова, исчадия ада. Три громадных черных пса с огненными глазами и кроваво-красными разверзнутыми пастьями. Первый пес разинул пасть еще больше и приблизился к друзьям настолько, что стала видна слюна на огромных желтых клыках и ощутим неприятный запах из этой громадной глотки. И вдруг он как рявкнет: «Иди сюда!!!» – грохочущим, диким, басовитым, но, несомненно, человеческим голосом. Как жутко – ты бежишь по узкой тропе, а за тобой, все нарастая из тьмы, несетя нечто невообразимо жуткое и чудовищное, детские кошмары о собаке Баскервилей бросаются в голову и парализуют мозг плотной клокочущей завесой страха...

– Мы бежали сломя голову до самой дачи. Только потом я понял, что за нами уже никто давно не гонится...

– А может, это были галлюцинации?

– Ну что вы... – обиженно протянул Суворик. – У нас же не ЛСД было, в самом деле...

– А насчет человеческого голоса и свечения?

– Ну, не знаю. Была луна, может, отсветы... А человеческий голос... Хозяин позвал собак, а нам почудилось...

– Ясно, – разочарованно протянула я, – в общем – чушь собачья.

– Вот именно – собачья, – резюмировал Бельмов, – все, поехали.

Кузнецов сдержал свое обещание и довез нас до виллы Баскера.

Глава 3

«...Когда силы зла властвуют безраздельно...»

Увидев нас, Эвелина необычайно обрадовалась и даже бросилась на шею сестре.

– Извини, Виля, мы немного опоздали, – немного смущенно произнесла Лена, – нас подвез бельмовский друг.

– Ну, ты довольна прогулкой? – спросила Эвелина.

– Да-да. И с хорошими ребятами познакомились. Веселые.

– Даже чересчур, – добавил Фил.

– Хорошо, пойдем к столу.

За столом сидели уже все, включая аметистовских охранников, не хватало только самого Глеба Сергеевича, а также его фигуристой пассии.

– А они в сауне, – сказал веселый охранник Дима, который в свободное от исполнения профессиональных обязанностей время становился похож на нормального парня без ужимок злобной и плохо дрессированной гориллы. – У него там водные процедуры.

– Вводные у него процедуры, – двусмысленно изрек Бельмов, притулившийся за столом рядом со мной.

– Это какие еще вводные? – подозрительно уточнила я.

В этот момент появился пышущий румянцем Глеб Сергеевич в свежей рубашке и с ним Аня. Очевидно, водные и прочие процедуры успешно завершились.

Ужин прошел быстро и незаметно. В понятие «ужин» я не включаю последующую попойку, хотя обычно это процессы нераздельно слитые. Глеб Сергеевич и иже с ним быстро сметали со стола все съестное, и только потом обнаружилось, что запасы винно-водочного арсенала, выставленного к ужину, исчерпаны едва ли на треть.

За окном уже сгустилась непроглядная тьма, Эвелина убавила освещение, и только свет от двух настенных бра рассеивал мрак.

– Кто сделал, чтоб темно?.. – прогундосил уже изрядно набравшийся Аметистов и икнул. Отличившись в распитии спиртных напитков за обедом, он поддержал, как говорится, марку фирмы и за ужином.

– Это я, Глеб Сергеевич, – откликнулась Эвелина, – это я выключила верхний свет.

– Зачем?

– Чтобы эта комната была похожа на зал Баскервиль-холла.

Против обыкновения, Андрей не стал протестовать против слов жены. Быть может, ему надоело угождать подвыпившему шефу, а быть может, обидно стало за свою Вилю, которую тот считал ненормальной.

– Действительно... – пробормотал Глеб Сергеевич, как будто он знал, как выглядело центральное помещение замка покойного сэра Чарльза.

Его можно было понять. Кромешная тьма в выходящих на кладбище окнах, а за стеной, с балкона, – вид на пустынные болота, и даже звезды не в силах разорвать их гробовое безмолвие и тайну... А напротив, в неярком свете настенных ламп, бледное лицо ослепительной женщины в черном платье, и нет сил оторваться от ее глубоких глаз, сулящих прекрасную, как нежность, темную погибель...

Я встряхнула головой. Вокруг стола в набрякшем недосказанностью молчании сидели мрачный Соловьев с серебряной вилкой, молчаливо жующий индейку, Баскер, загадочно улыбающийся Бельмов с недопитой рюмкой водки в руке. Эвелина. И я... Остальные разошлись, словно им не было места за этим столом...

Нет, что-то не то. Ну и напитокчики у семейства Баскерров! Или дело не только в напитках?..

– Я хочу поговорить с вами о собаке Баскервилей, Глеб Сергеевич, – тихо вымолвила Эвелина.

Аметистов покорно кивнул, и меня поразило выражение глубочайшего внимания на его обрюзглом самодовольном лице.

– Не понимаю... – пробормотала я себе под нос.

– У вас была собака?

– Да, – ответил он.

– Какая же?

– Она и сейчас есть у меня. Питбуль. Еще ротвейлер.

– Это нехорошо, – вымолвила Эвелина, – ротвейлер – это собака сатаны.

– Ну, знаете... – пробормотал Аметистов, выпивая еще водки.

– Вы не думайте, что я сумасшедшая, – продолжала красавица в черном, – просто я вижу жизнь в свете двух миров, двух ключей света. Когда вы смотрите фильм о мафии и киллерах, вы не думаете, что в этот момент пуля входит в голову человека там, по ту сторону экрана. Пуля входит в вашу голову, но вы не понимаете, что это на самом деле, и только этим сохраняете вашу жизнь.

– Эвелина, – наконец заговорил Андрей, – ты пугаешь Глеба Сергеевича.

Заявление, которое в другой ситуации было бы встречено хохотом окружающих, на сей раз прозвучало в пугающей тишине. Безмолвие нарушил мелодичный голос красавицы хозяйки:

– Ничего, от этого не умирают. Такие, как он, то есть...

«А если он станет другим, – с ошеломляющей ясностью мелькнуло в моей голове, – он должен пойти на болота и умереть такой смертью, какую укажет ему эта молодая безумица».

...Господи, что со мной?..

...Не только со мной. Бельмов отвалился от стола и припал спиной к креслу, быстро мигая веками. На лице его показалась такая знакомая сегодня сероватая бледность суеверного ужаса.

...Этот дом напоен страхом, и в открытые двери заглядывает Смерть. Как резко все переменялось, но почему и как?..

– Но никогда не знаешь, что придет к тебе наяву, а что пригрезится. И приснится, что ты стораешься в огне, но проснешься и облегченно вздохнешь – и увидишь обгоревшее тело. Свое тело.

Губы Эвелины выгибались с почти животной, измененной страстностью, и даже мне, женщине, вдруг захотелось впиться поцелуем в этот ярко-красный чувственный рот, говорящий о безумии и смерти. Что уж говорить о мужчинах...

– Вы прочтете книгу о проклятии рода Баскервилей, и в ваши окна поползет тоскливый, протяжный, жуткий и тревожный – собачий вой...

...Так и есть. Рама распахнулась под напором ветра, и в комнату проник будоражащий, леденящий душу, заставляющий тоскливо звенеть нервы собачий вой...

* * *

Я резко вскочила.

– Эвелина, это воет собака! – произнесла я, пытаясь стряхнуть это невыразимо жуткое оцепенение.

– «Не спрашивай, по ком воет собака Баскервилей, ибо она воет по тебе», – продекларировал Бельмов, перефразируя эпиграф хемингуэевского романа.

Но лицо журналиста было мрачно, пальцы судорожно вцепились в подлокотники кресла.

– Ах вот как! – неожиданно рывкнул Аметистов, вставая. – Тогда я п-пойду и убью эту тварь!

Ноги его подкосились – не от страха, скорее от лошадиной дозы поглощенных за вечер спиртных напитков, – и он грузно упал назад, в мягкое кресло.

– Да успокойтесь вы, Глеб Сергеевич, – стал утешать его Баскер, – подумаешь, завyla собака!..

– Я знаю, что она... – Аметистов снова поднялся на ноги, на этот раз более успешно, и, выписывая синусоиду, пошел к окну. – Она там, я должен увидеть ее!

– Да ты хватил лишнего, Глеб Сергеевич, – говорил ему Андрей, но зубы хозяина виллы стучали, и видно было, что он не верит своим словам.

Соловьев поднялся и прошел к окну.

– Отсюда не видно, Глеб Сергеевич, – произнес он, – пройдемте на балкон. С него открываются болота.

Аметистов повернулся к Соловьеву – побагровевший, смертельно пьяный, с перекошенным от ужаса и злобы лицом.

– А откуда ты знаешь, что она там? – хрипло спросил он.

– Перед вами огромная Гримпенская трясина, – холодно ответил Соловьев, цитируя строки из повести Конан Дойла, – попади в эту трясину человек или лошадь, и все... все будет кончено.

Конечно, на Волге нет торфяных болот, засасывающих в свои бездонные недра все, чего ни коснутся их липкие щупальца. Но и невозможно было не воспринять слова психоаналитика буквально, потому что я почти физически ощущала, как что-то огромное и темное ворочается за окном, наполняя собой стылый воздух. И в этом чем-то неслышно ступали черные бесшумные лапы чудовищного пса, чей вой мы слышали только что...

В руках Глеба Сергеевича блеснул пистолет, он, злобно оскалившись, повернулся к Эвелине:

– Значит, ты веришь, что это наяву... Я покажу тебе!..

Он заговорил так, как не говорил раньше, меня передернуло. и я нервно закурила, забыв о том, что курить разрешалось только на балконе.

– Мне надоело, что все тычут мне в нос этими... этими... – Аметистов задыхался от бешенства, не находя нужных слов. На секунду предо мной приотворилась створка, и я подумала, что все мы – особенно шеф «Парфенона» – находимся под действием какого-то сильнодействующего наркотика, бердящего мозговые центры агрессии и страха.

Баскер лязгнул зубами и прошел по комнате, стараясь не глядеть в окна. Наконец он угловатыми резкими движениями опустил жалюзи и произнес:

– Не дури, Глеб Сергеевич... Что ты как дите малое?

– Ах, я еще и дите?! – взвыл Аметистов. – А теперь ты послушай меня, Баскер. Я с самого начала понял, что дело нечисто... Твоя жена... ее недомолвки... этот базар темный!.. И посмотри на своего психоаналитика, – Глеб Сергеевич впервые проговорил это слово без запинки, – у него же на лице написано, что он и твоя жена хотят уничтожить меня!

По толстому его лицу заструился пот, маленькие глазки раскрылись и бешено заблестели, а дрожащие пальцы судорожно гладили дуло пистолета. Баскер встал и тревожно глянул на Глеба Сергеевича, потом перевел взгляд на Соловьева.

– Успокойтесь, Глеб Сергеевич, – произнес психоаналитик, – никто и никогда не уничтожит человека, если он не захочет этого сам. Если кто-то убьет вас, значит, вы замоделировали финальную жизненную ситуацию так, что обстоятельства рано или поздно ликвидируют вас.

Тоскливый вой снова ворвался в дом, и я, кусая фильтр сигареты, почувствовала, как наливается свинцовым холодом и сгибается спина, как немеют руки и падают под непосильной тяжестью собственного веса. Потому что к жутким звукам добавился еще один голос –

почти стенающий, почти человеческий. Голос черного пса, второго – который также ждал свою жертву.

– Их там что, целая стая? – прохрипел Аметистов. – Ты не хочешь посмотреть на это, Андрей? Наверно, ты и так не раз видел эти... фантомы своей милой супруги?

В Баскере происходило какое-то страшное противоборство, это трудно было не заметить. Эти влажные остекленевшие глаза, переплетенные судорогой пальцы обеих рук, подергивающийся уголок рта – я никогда раньше не видела его таким. В голове крутилось неуместное слово «передозировка», сплетаясь с другим ключевым словом – «страх». Передозировка страха. Я прикурила вторую сигарету от первой, и в этот момент Баскер крупными шагами подошел к притаившемуся в углу дубовому секретеру и, резко дернув, пошарил внутри его. Руки выплыли на свет, в одной из них все увидели «ТТ».

– Ну, коли так... – пробормотал он, дрожа всем телом, – отчего не... не прогуляться.

Патологический, безрассудный животный страх, заставляющий жертву в злобе самосохранения кидаться на источник этого первородного ужаса... Краем глаза я увидела позеленевшее от страха лицо Бельмова, и в этот момент пелена кошмара разодралась, и появилась Воронкова. Ее лицо в затянутой душным полумраком комнате показалось мне странно светлым...

– Ты что, Пургеныч, совсем с рельс соскочил? – едва не завизжала она и с силой ухватила Аметистова за плечо. – Куда это ты собрался, да еще с пушкой?

Она посмотрела на остальных, и скованные ужасом лица, видимо, не на шутку испугали ее.

– Э-э, ребята, бросьте так хохмить, – произнесла она очень тихо, но обострившийся слух каждого из нас подхватил эти слова в нависшей тишине. – Не сходите с ума... Я, конечно, понимаю, я тоже человек нервный, но такие массовые психозы...

– Ты слышала это?.. – Пальцы Аметистова рванули воздух и тяжело скрючились на плече девушки. – Хочешь, пойдем с нами, если ты такая...

– погоди, Глеб Сергеевич, – проговорил Соловьев, вставая из-за стола и направляясь к Аметистову. Держал он себя на удивление выдержанно и даже не выпустил из пальцев бокал вина. – Ее-то зачем тащить? Если уж ты так раззадорился, то...

– Ты, умник, – тяжело набычившись, глянул исподлобья президент «Парфенона», – ты это что же, значит... понимаешь ли... – Он злобно схватил Соловьева за плечо и вместо логического довершения фразы высыпал целую россыпь нецензурных эпитетов, а завершил ее богатырским замахом кулака.

Соловьев легко увернулся от неуклюжего выпада «нового русского» и, гневно сцепив губы, с силой выплеснул содержимое бокала в лицо и на горло Аметистову.

– Освежитесь, господин Аметистов! – холодно вымолвил он и, пройдя мимо остолбеневшего толстяка, уселся на свое место. – Конечно, я прошу извинения, Глеб Сергеевич, но признайте, что и вы изрядно погорячились.

Глеб Сергеевич некоторое время смотрел на психоаналитика, раздувая тонкие ноздри, неожиданно изящные для этого рыхлого небритого лица, потом буркнул нечто вроде: «Кхе!» – и вышел из комнаты, увлекая за собой Баскера и Воронкову. Через минуту звучно хлопнула дверь парадного входа, и Соловьев, глянув в окно, коротко заметил:

– Нет, Виля, он все-таки не читал Конан Дойла. Иначе бы он знал: «Остерегайтесь выходить на болото в ночное время, когда силы зла властвуют безраздельно...»

Голос этого железного человека дрогнул, и я невольно сжалась от ужаса, потому что в этих на грани надрыва словах я услышала приговор тем, ушедшим...

* * *

Больше я не могла находиться в этой комнате и потому, налив себе в большой фужер водки, проглотила ее одним махом. Почувствовав, как нервное напряжение чуть отпустило, я спустилась на первый этаж и зашла в сауну. За мной, волоча онемевшие ноги, вяло двигался Бельмов. По пути он наткнулся на все, что могло послужить препятствием, – мебель, лестничные перила, двери, – а на самом входе в банный комплекс на первом этаже не вписался в дверной проем и ударился головой об косяк.

В лицо плеснул горячий воздух, веселый смех и плеск водяных струй. В предбаннике за деревянным отлакированным столом сидели четверо: двое молодых людей из охраны Аметинова и две девушки из офиса тимофеевского «Атланта». Они пили пиво, играли в карты и хохотали. Вся четверка была закутана лишь в белые простыни. Здоровенный парень по имени Дима встал, чтобы достать из стоящего неподалеку ящика очередную порцию пива, в тот момент, когда я и Бельмов заходили в предбанник. По неосторожности бравый телохранитель не охранил собственного тела, упустил простынку, и та, под хохот окружающих, свалилась к его ногам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.